

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies
Institute of Linguistics
Research Group “Theory of Grammar”

Studies in the Theory of Grammar

3

Edited by Yury A. Lander,
Vladimir A. Plungian, Anna Yu. Urmanchieva

Irrealis and Irreality

Moscow
Gnosis
2004

Российская академия наук
Институт востоковедения
Институт языкознания
Проблемная группа по теории грамматики

Исследования
по теории
грамматики

3

Ирреалис
и ирреальность

Москва
Гнозис
2004

ББК 81 + 81.2
И87

Редакторы Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева

Издано по результатам Международного рабочего совещания по типологии ирреальных категорий (Москва, апрель 2003) при частичной поддержке гранта Президиума РАН, выделенного Проблемной группе по теории грамматики при Институте языкознания РАН в рамках целевой программы «Поддержка молодых ученых».

И87 Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / Ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева — М.: Гнозис, 2004. — 476 с.

ISBN 5-94244-001-8

Третий выпуск трудов Проблемной группы по теории грамматики при Институте языкознания РАН (Москва) включает статьи по типологии глагольных категорий с общим значением ирреалиса, то есть описывающих ситуации, которые не принадлежат к произошедшим или происходящим в реальной действительности. Ирреалис является одной из наиболее сложных и спорных категорий глагола в языках мира. Статьи сборника содержат много новых данных и предлагают целый ряд новых теоретических трактовок явлений, связанных с выражением ирреальности. Рассматривается материал современного русского, древнерусского, классических индоевропейских, иранских, уральских, алтайских, дагестанских, австронезийских, австралийских и др. языков.

ББК 81 + 81.2

© Авторы, 2004

ISBN 5-94244-001-8

Д. В. Сичинава

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ*

В статье обсуждаются выявленные сравнительно-историческим языкознанием факты, связанные с историей славянского условного наклонения, а также выдвигавшиеся исследователями гипотезы о происхождении указанной формы. Представляется перспективным исследование этой проблемы при помощи методов грамматической типологии. Согласно нашей гипотезе, происхождение славянского условного наклонения связано с одной из форм славянского плюсквамперфекта, образующейся при помощи аориста вспомогательного глагола и /-причастия. Подобная эволюция значения, а также резкое изменение значения одной из плюсквамперфектных форм типологически характерны для плюсквамперфекта вообще и для глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта в частности. Обсуждаются различные аргументы в пользу этой гипотезы, в том числе семантика указанной формы в некоторых современных славянских языках.

Предметом нашей статьи является проблема происхождения глагольной формы, присущей всем славянским языкам, а именно формы условного (сослагательного) наклонения, такой, как рус. *читал бы*. Этот вопрос уже не раз поднимался в рамках работ по сравнительной грамматике славянских языков начиная с трудов младограмматической школы второй половины XIX в. — первой половины XX в., и в связи с ним было высказано немало ценных замечаний. Тем не менее, насколько нам известно, он еще не был предметом отдельного исследования в рамках современной грамматической типологии, рассматривающей, в первую очередь, историю морфологических значений — в связи с историей со-

* За ценные замечания, высказанные при обсуждении настоящей статьи (и предшествовавшего ей доклада на рабочем совещании «Типология ирреальных значений» в Институте востоковедения РАН) приносим благодарность П. В. Петрухину.

ответствующих форм (элементы такого подхода, как увидим, были уже у младограмматиков), а во-вторых, историю того и другого в конкретном языке или группе языков — в связи с типологическими закономерностями изменения как внешней, так и содержательной стороны языкового знака. Между тем привлечение подобной методики позволяет выдвинуть гипотезу, помогающую, на наш взгляд, объяснить некоторые факты истории и современности славянского кондиционала, отмеченные различными исследователями, однако, по тем или иным причинам, не включенные в общую картину.

Старославянское условное наклонение: факты и вопросы

Реконструкция практически всей праславянской глагольной системы (а не только форм условного наклонения) традиционно основывается на данных старославянских памятников (ср. обобщающую формулировку П. С. Кузнецова (1961: 82), согласно которой общеславянская глагольная система восстанавливается «по формам, представленным в древнейших славянских памятниках, и на основании сравнения этих форм с формами других индоевропейских языков»). Весьма часто этот принцип используется и без эксплицитного на то указания. Г. А. Хабургаев в одной из своих последних работ, изданной посмертно (Хабургаев 1991, где и прочая литература), аргументированно поставил под сомнение обоснованность такой стратегии реконструкции, в частности, именно в том, что касается форм условного наклонения (подробнее см. ниже, раздел 4 настоящей статьи). Но так как, в силу вышеупомянутой традиции, в фокусе рассмотрения компаративистики долгое время находилась именно старославянская глагольная система, то мы начнем с синхронного и диахронического анализа старославянской, лучше всего изученной формы. Выводы, полученные в связи с ней, помогут нам лучше понять происхождение условного наклонения в славянских языках в целом, даже если перед нами не праформа, а одна из аналогичных форм в близкородственных языках.

В старославянских памятниках интересующая нас форма представляет собой сочетание *l*-причастия соответствующего глагола и спрягаемой формы вспомогательного глагола **быти**. Важной особенностью условного наклонения является наличие двух парадигм вспомогательного глагола. Формы одной парадигмы (с основой *bi-*, в дальнейшем, по

форме 1-го лица единственного числа, условимся называть их *bitь*-формами) встречаются преимущественно в глаголических старославянских памятниках западного (македонского) происхождения (Мариинском евангелии, Зографском евангелии, Ассеманиевом евангелии, Синайской псалтири и Синайском требнике), в то время как формы другой парадигмы (с основой *by-*, в дальнейшем — *byxъ*-формы) характерны для восточных кириллических старославянских памятников (Саввиной книги, Супрасльской рукописи, а также Остромирова евангелия, которое занимает промежуточную позицию между собственно старославянскими памятниками и образцами церковнославянского языка русского извода)¹. Заметим, что в некоторых памятниках представлены формы и той, и другой парадигмы.

Парадигмы вспомогательного глагола старославянского условного наклонения имеют следующий вид²:

	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
1-й ряд форм	бнмь	бн	бн	бнмъ или бнхѡмъ	бнѣтѣ	бж или бнша
2-й ряд форм	быхъ	бы	бы	быхѡмъ	быѣтѣ	быша

Данные ряды форм обладают сразу несколькими характерными особенностями, выделяющими их на фоне системы старославянского глагола, а именно:

1. Первая парадигма вспомогательного глагола за пределами форм собственно условного наклонения аналогов не имеет; в такой форме, как общее правило, не встречаются не только другие глаголы, но даже и сам глагол *быти* в неспомогательном употреблении (Meillet 1934/1951: 213). (О редких исключениях из этого правила речь пойдет чуть ниже, но на фоне массовости аналитической формы они представляют собой явным образом маргинальные явления.) Это нехарактерно для прочих

¹ Более полная информация со статистикой по каждому памятнику: Vaillant 1948/1952: 281—282.

² Мы приводим только формы единственного и множественного числа; форма двойственного числа (первого лица, *быхѡвѣ*) является гапаксом, отмеченным в Супрасльской рукописи (Vaillant 1948/1952: 282).

старославянских аналитических форм с *-l*-причастием: для перфекта (ходилъ ѣмь; связка в настоящем времени), для плюсквамперфекта (ходилъ кѣхъ; связка в имперфекте), для предбудущего (ходилъ кѣдъ; связка в форме настоящего времени совершенного вида), а также для форм страдательного залога с *-n-* и *-t-*причастиями.

2. Вторая парадигма, напротив, имеет непосредственную параллель в системе старославянского глагола: это форма аориста, причем во втором и третьем лице мы имеем не *бытъ* (а именно такие формы — наряду с *бы* — имеет глагол *быти* в неспомогательном употреблении), но всегда *бы*.

3. Существуют формы (1 л. мн. ч. *кнѣмъ* и 3 л. мн. ч. *кнѣшѣ*)³, морфологическая структура которых обнаруживает контаминацию форм *bimь-* и *buxь-*парадигмы (они чаще встречаются в памятниках, где преобладает первая парадигма, поэтому в нашей таблице условно включены в соответствующую строку).

В связи с этими фактами во второй половине XIX века перед исследователями исторической грамматики славянских языков встал следующий ряд вопросов: 1) каково происхождение *bimь-*форм? 2) какова причина сосуществования и контаминации двух параллельных рядов форм? 3) почему аналитическая глагольная форма «аорист глагола ‘быть’ + *l*-причастие» стала означать условное наклонение?

На протяжении последующих нескольких десятилетий лингвистами-младограмматиками и их последователями были предложены решения всех трех вопросов, и исследования последующего времени, насколько нам известно, по сути ничего не прибавили к версиям, которые предложили классики славистики и индоевропеистики указанного периода — от Франца Миклошича до Антуана Мейе.

2. Проблема славянского условного наклонения в сравнительно-историческом языкознании

Первую гипотезу относительно параллелизма парадигм славянского условного наклонения мы встречаем у Ф. Миклошича (см. Panzer 1967: 43), и эта гипотеза опирается на семантику и структуру аналити-

³ О контаминированном происхождении формы 2 л. мн. ч. *кнѣтѣ* (вместо незасвидетельствованного **bite*) см. ниже.

ческих форм. Выдающийся славист видел в *бнмь* особую форму аориста (это «алгебраическое» решение подсказывается эквивалентностью *ходилъ бнмь* и *ходилъ быхъ*); однако компаративистами последующих поколений было показано, что происхождение этой формы совсем иное. Основаниями для этимологической реконструкции *бимь*-парадигмы послужили, помимо индоевропейских соответствий, также те очень немногочисленные случаи самостоятельного употребления аналогичной формы (не только от *быти*, но и от некоторых других глаголов), которые встречаются в старославянских текстах.

А. Мейе приводит следующие этимологические данные: «Основа *bi-* напоминает основу лат. *fiō, fis...* Возможно также, что *bi-* является старым оптативом (желательным наклонением) и сохраняет оптативный суффикс в форме **-i-*, фигурирующий в формах повелительного наклонения типа *дднмъ, дднмѣ*; в этом случае его можно сблизить с др.-перс. *biyā*, имеющим оптативный суффикс в форме **-uē- (*-jē-)*... Окончание *-тъ* в *бнмь* напоминает употребление *-μι* в греческом оптативе типа *φέρομι* (в соответствии с нетематическим типом *εἶνυ*). Впрочем, мы встречаем форму старого оптатива 1 л. ед. ч. *отъпадѣмь* для перевода гр. *ἀποπέσομι* (Син. и Бол. псалтырь, VII, 5) и форму 1 л. ед. ч. *бждѣмь, *тожѣтъ* в церковнославянском и древнем сербскохорватском языках; это дает основание для гипотезы, согласно которой тип *бнмь, бн* восходит к старому оптативу... В изолированном употреблении, как, например, в случае *бн оубо боати ѿ...* (Супр. рук., 149, 5...), *бн*, по-видимому, имело значение старого оптатива» (Meillet 1934/1951: 213—214). В монографии Х. Станга «Балтийский и славянский глагол» (Stang 1942: 198, ср. также Иванов 1981: 176—177) рассматривается параллель между *бимь*-формой и литовскими формами прошедшего времени от глагола 'быть', в древности имевшими также, видимо, и ирреальное значение (Вяч. Вс. Иванов (1981: 177) допускает, что «в подобных фактах балтийских языков отражается период до грамматического оформления чисто временных противопоставлений»). Итак, происхождение *бимь*-формы, скорее всего, связано с индоевропейским оптативом (желательным наклонением), хотя детали этой эволюции не всегда ясны.

Почти одновременно с поисками этимологических корней славянского *бимь* появляются и первые гипотезы о происхождении собственно условного наклонения. Характерно, что они, как и версия Ф. Миклошича, опираются на внешнюю структуру аналитической формы. Так,

К. Бругман усматривает в *ходилъ кимь* оптатив прошедшего времени, «Optativus praeteriti» (см. Panzer 1967: 44). Аналогичную трактовку исходного значения формы предлагает и В. Вондрак (Vondrák 1928: 396) — «желание, отнесенное в прошедшее и невыполнимое также и в настоящем». Итак, структура формы композициональна: вспомогательный глагол указывает на наклонение, *l*-причастие — на время. В таком случае следует предполагать весьма древнее расширение значения также и на гипотетическое условие, связанное с настоящим или будущим временем (Meillet 1934/1951: 214). О типологических параллелях, подкрепляющих это истолкование аналитической формы с *bimь*-формой вспомогательного глагола⁴, см. ниже, в разделе 4 настоящей статьи.

Между тем для младограмматиков была очевидна трудность, которая сопровождает объяснение аналитической формы: трудность эта заключается в том факте, что уже в весьма древнюю эпоху *bimь*-формы начинают сосуществовать с формами аориста — *бухь*-формами, контаминироваться с ними и вытесняться ими. Выше уже упоминались явления, свидетельствующие в пользу этого — существование старославянских памятников с преобладающими *бухь*-формами, наличие форм *кихомъ* и *кишѧ*. Выяснение этимологии *bimь*-форм (особенно балтийские параллели) не только подтверждает контаминированный характер этих последних, но также дает все основания полагать, что и в форме 2 л. мн. ч. *кигѧ -s-* заимствовано из аориста, а сама эта форма полностью вытеснила незасвидетельствованное **bite* еще «с доисторических времен» (Кузнецов 1951: 450). Добавим, наконец, важнейший аргумент: в истории отдельных славянских языков реликты *bimь*-форм отмечены только в южнославянском ареале; в западно- и восточнославянских языках (включая местные церковнославянские изводы) засвидетельствована исключительно *бухь*-форма (см., помимо сравнительных грамматик: Panzer 1967: 19—46; Белоусов 1982: 154; Хабургаев 1991: 43). Этот факт, в силу вышеприведенного традиционного постулата о тождестве старославянской и праславянской глагольной системы, обязывал историков языка предполагать вытеснение *bimь*-форм *бухь*-формами на всей славянской территории.

⁴ В дальнейшем для краткости условимся называть аналитические глагольные формы с *bimь*- или *бухь*-формами вспомогательного глагола, соответственно, аналитическими *bimь* или *бухь*-формами.

В уже цитировавшемся классическом труде Антуана Мейе «Общеславянский язык» находим следующую идею относительно этой экспансии аориста: «la flexion... s'expliquerait aisément par l'analogie: la forme composée avec *бимь* ayant le sens de l'*irréalis* grec, l'emploi du prétérit va de soi» (Meillet 1934: 265) (перевод П. С. Кузнецова, Meillet 1934/1951: 213: «формы... легко объясняются аналогией; так как сложная форма с *бимь* имела значение греческого *irrealis*, то употребление прошедшего времени ясно само по себе»); ср. также ниже: «образование *бѣхѣмъ* по типу *бѣхѣмъ* объясняется свойством прошедшего времени, с которым связано употребление *бимь*» (точнее: «которое в н у т р е н н е присуше, *inhérent*, употреблению *бимь*». — Д. С.) (Meillet 1934/1951: 214). Формулировка Мейе оставляет не совсем понятным вопрос о том, какая именно сторона славянского кондиционала — внешняя или семантическая — делает переход от ирреалиса к прошедшему времени столь очевидным. То, что семантическая близость прошедшего времени и условного наклонения (во второй половине XX века ставшая предметом значительной типологической литературы; см. подробнее раздел 4 настоящей статьи) была в общем известна и во времена Мейе, явствует, в частности, и из вышеприведенных гипотез Бругмана и Вондрака; в 1920-х годах эту же проблему, применительно к синхронному материалу («претерит воображения»), поставил О. Есперсен (Jespersen 1924).

Но всё же нам кажется более вероятным, что в «*Le slave commun*» на первый план ставится чисто формальная контаминация. Действительно, Мейе говорит о том, что «в целом, *бимь*, будучи обособлено (точнее: с л и ш к о м обособлено, *tror à part* — Д. С.), заменялось аористом *бѣхѣ*» (Meillet 1934/1951: 213); таким образом, аористная форма глагола *бѣти*, не имевшая своего соответствия среди форм вспомогательного глагола, распространилась на ту единственную форму, которая как раз никаких соответствий вне вспомогательной функции не имела. Соглашаться с этим достаточно убедительным решением, на наш взгляд, — не значит отвергать семантическую сторону произошедшего изменения.

Однако представитель следующего поколения французской славистики А. Вайан уже совершенно недвусмысленно говорит о том, что контаминация *бимь*- и *бѣхѣ*-форм носила чисто формальный характер: «форма *бѣхѣ* похожа на аорист, но это не аорист: непонятно, каким образом аорист... может выражать ирреальность...» (Vaillant 1966: 95);

«Не существует сложной формы с аористом *быхъ*, потому что между перфектом [выражаемым *l*-причастием] и аористом имеется противоречие» (ibid.: 90). Ему вторит Б. Панцер, автор вышедшей год спустя фундаментальной работы по славянскому кондиционалу (в основном посвященной синхронной стороне вопроса); он подчеркивает чисто формальный характер проблемы («из формальной оппозиции не следует делать вывод, что условное наклонение в старославянском — это перфективное прошедшее»), сопровождая свои выводы примечательными теоретическими указаниями: «Что означает эта форма, может показать только исследование ее употребления»; «мы не желаем вслед за младограмматиками смешивать происхождение и функцию...» (Panzer 1967: 43, 44). Таким образом, даже те соображения относительно «внутренней семантики формы», которые имелись еще у Вайана, отмечаются.

Между тем, насколько нам известно, ни один исследователь не рассматривал другой логической возможности: а именно, что контаминация произошла не между вспомогательным глаголом и формой аориста неспомогательного глагола *быти*, а между вспомогательными глаголами двух различных форм, то есть аналитических *бимь*- и *бухъ*-форм, возникших независимо. Но ведь, по мнению Вайана, неконтаминированной аналитической *бухъ*-формы в силу семантических ограничений («противоречия» между перфектом и аористом) не существует и существовать не может. Так ли это в действительности? А если это не так, то не могло ли подобное семантическое развитие аналитической *бухъ*-формы и вовсе не зависеть от контаминации? Чтобы ответить на эти вопросы, нам не миновать обращения к материалу за пределами старославянских памятников.

3. Плюсквамперфект вида «аорист вспомогательного глагола + причастие» и его типологические параллели

В вышедшей за несколько десятилетий до фундаментального труда Вайана не менее обстоятельной работе с точно тем же названием («Сравнительная грамматика славянских языков») Вацлава (Антонена Венцеля) Вондрака приводится пример той самой формы с аористом во вспомогательном глаголе, существование которой «запрещено»

Вайаном. И эту форму очень сложно объяснить через контаминацию с «классическим» *bitь*-кондиционалом: значение ее чисто временное, а именно плюсквамперфектное. Речь идет о старочешском плюсквамперфекте с аористной связкой (*bych*) (Vondrák 1928: 150; там же др. примеры):

- (1) *jakož mu by přikázal Hospodin*
‘[и фараон не послушал их], как и *говорил*⁵ ему Господь’ (Оломоуцкая Библия, начало XV в., Исх. 7: 13).

Нельзя ли предположить, тем не менее, что перед нами образец точно такой же контаминированной формы, которая по какой-то причине развила, наряду с кондициональным, плюсквамперфектное значение, позднее отмершее? Ведь в современном чешском языке, да уже и в XVI—XVII вв., форма со спрягаемой *bych*-связкой — это именно форма условного наклонения (Vondrák 1928: 155, Panzer 1967: 35—37).

На наш взгляд, такое решение проблемы явно неприемлемо. Во-первых, едва ли можно указать какие-либо типологические аналоги развитию чисто плюсквамперфектного значения у кондициональной формы, прежде такого значения не имевшей⁶ (в то время как прямо противоположное направление развития представлено в очень многих языках, о чем см. следующий раздел нашей статьи). Во-вторых и в главных, типологически наиболее ожидаемым значением формы «аорист вспомогательного глагола + причастие прошедшего времени» является именно плюсквамперфектное. Плюсквамперфект (то есть глагольная форма, основным значением которой является предшествование в прошедшем) в значительном количестве языков мира образован при помощи формы прошедшего времени вспомогательного глагола. В тех же из этих языков, где имеется несколько форм прошедшего времени, как правило, существует и несколько форм плюсквамперфекта, образующихся при помощи различных временных форм глагола-связки (см.: Salkie 1989: 13, Squartini 1999, Johanson 2000, а также специально посвященную этой проблеме нашу работу Сичинава 2002, где и прочая библи.). Из языков, где имеется различие имперфект / аорист, к таким языкам относятся романские, албанский, а также, что особенно интересно для нашей про-

⁵ В Вульгате здесь латинский *plusquamperfectum*: *graceserat*.

⁶ О вероятном отсутствии у *bitь*-форм изначального плюсквамперфектного значения см. также ниже, в разделе 4.

блематики, — книжный древнерусский язык (в основе которого лежит церковнославянский русского извода).

В романских языках с XII века засвидетельствован плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола (Foulet 1925, Squartini 1998) (тип *habui factum* — глагол ‘делать’ в 1 л. ед. ч.), противопоставленный плюсквамперфекту с имперфектом вспомогательного глагола (тип *habebam factum*) по признаку результативности (первый означал чистое предшествование в прошедшем, второй — с бóльшим акцентом на результирующее состояние в прошедшем). В современных романских языках — французском (*j’eus fait*), итальянском (*ebbe fatto*), испанском (*hubo hecho*) — соответствующая форма означает либо непосредственное предшествование в прошедшем (в основном с союзами ‘как только’, ‘едва’), либо быстро совершенное действие в прошлом, без плюсквамперфектной семантики (Vertinetto 1987).

В албанском языке также существует плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола: *pata punuar* ‘я поработал’. Семантическое различие между этой формой и соответствующей формой с имперфектом вспомогательного глагола не вполне ясно; согласно исследованию В. А. Фридмана (Friedman 1981), «аористная» форма лишена «заглазных» (эвиденциальных) оттенков, иногда свойственных «имперфектной» форме.

На славянской территории, помимо интересующего нас чешского случая, известны еще два плюсквамперфекта с двумя другими видо-временными формами вспомогательного глагола. Эти аналитические формы стали предметом изучения в книжном древнерусском, где они выглядят как *ходилъ бѣ* и *ходилъ бѣше* — 3 л. ед. ч. (van Schooneveld 1959: 123—140; Goeringer 1995)⁷. *Бѣ* чаще всего рассматривается как форма аориста глагола *быти*, параллельная уже знакомому нам *бы(сть)* (van Schooneveld 1951); *бѣше* — как форма имперфекта. Несмотря на большой объем собранного и систематизированного К. ван Схоневелдом и К. Гёрингером материала, семантическое распределение между двумя плюсквамперфектами в языке русских летописей остается, на

⁷ Плюсквамперфект с перфектом вспомогательного глагола (ср. др.-рус. *ходилъ (есть) былъ*) также отмечен в достаточно ранний период, но становится одной из основных форм глагольной парадигмы в славянских языках позже (ср., однако, Хабургаев 1991).

наш взгляд, дискуссионным (обсуждение этого интересного вопроса выходит за рамки настоящей статьи).

Таким образом, в существовании славянского плюсквамперфекта с формой вспомогательного глагола *бухъ* с типологической точки зрения нет ничего невероятного; напротив, оно совершенно естественно. Даже если бы старочешская форма, цитируемая В. Вондраком, не сохранилась в письменных источниках, все равно следовало бы считать вполне вероятным ее существование, и именно с таким значением.

Но, установив существование такой формы, причем исконной, мы тотчас же сталкиваемся с новыми вопросами. Каким образом эта форма смогла чрезвычайно рано, еще в дописьменный период, утратить практически во всех славянских языках свое первоначальное значение, а в старославянском тесно контаминироваться с аналитическим условным наклонением, восходящим к индоевропейскому оптативу? Почему во многих регионах (в частности восточнославянском) в кондициональном значении с начала письменной эпохи засвидетельствована только форма с *бухъ* без каких-либо следов контаминации? Говоря словами А. Вайана, «непонятно, каким образом аорист... может выражать ирреальность». Оказывается, и этот вопрос достаточно хорошо освещен в грамматической типологии, и решение его не представляет особенной трудности.

4. Гипотеза о развитии славянского условного наклонения из плюсквамперфекта

Обсуждая построения Бругмана, Вондрака и Мейе, мы уже отмечали известную близость прошедшего времени и ирреалиса в условной конструкции; неосуществленное условие, грубо говоря, осмысляется как «невозвратно упущенная возможность», переводится в план прошедшего. Упоминали мы и о том, что во второй половине XX в. данный факт становится предметом типологических исследований; назовем здесь, прежде всего, статьи Steele 1975; Fleischman 1989; Dahl 1997. Оказывается, что типологически такое развитие гораздо более характерно не просто для прошедшего времени, а именно для плюсквамперфекта. Это явление подробно анализируется в статье Плунгян 2004; для наших целей достаточно указать основные факты.

Как отмечает Эстен Даль (Dahl 1985: 145—146), исследовавший плюсквамперфект, как и многие другие грамматические категории, на

материале обширной типологической выборки, для половины языков, имеющих эту форму, характерно ее семантическое развитие в сторону ирреалиса, и именно в условных конструкциях. В значительной части языков плюсквамперфект употребляется только в ирреальной посылке (протасисе), как это имеет место в английском или французском:

- (2) If the boy *had got* the money yesterday, he would have bought a present for the girl.
- (3) Si le garçon *avait touché* l'argent hier, il aurait acheté un cadeau pour la petite fille.
'Если *бы* мальчик *получил* вчера деньги, он купил *бы* девочке подарок'.

Но встречается и ситуация, когда мы видим плюсквамперфект как в посылке, так и в следствии (аподосисе):

Латинский язык (плюсквамперфект конъюнктива):

- (4) Si *tacuisses*, philosophus *mansisses*.
'Если *бы* ты *помолчал*, то *сошел бы* за философа (*остался бы* философом)'.

Персидский язык:

- (5) Agar pesare Omid Ali be dâdam *naraside bud zambil-am-râ âb borde bud* [цит. по Шошитайшвили 1998: 116]
'Если *бы* сын Омида Али не *прибежал* на наш вопль, мою корзину *унесло бы* водой'.

Именно этот случай имеет место и в старославянском, и в других славянских языках (ср. русские переводы вышеприведенных примеров). Наша конструкция «в старославянском... служит главным образом для выражения неосуществившегося условия» (Meillet 1934/1951: 214; Vaillant 1966: 95):

- (6) ашче бо *вѣрѣхъ* *и мѣхъ* *могъхъ*, *вѣрѣхъ* *и мѣхъ* (Ин. 5: 46)
'Если *бы* вы *верили* Моисею, то *поверили бы* и Мне'.

Впрочем, в связи с этой конструкцией необходимо отметить, что аналитическая *bitь*-форма также находит некоторые типологические параллели — как внешние, так и семантические — среди форм плюск-

вамперфекта. Ее этимологическая структура (глагол 'быть' в оптативе + причастие прошедшего времени) в известной степени близка к формам плюсквамперфекта сослагательного наклонения в романских языках. Итальянский плюсквамперфект конъюнктива вроде *fosse arrivato* 'он прибыл' является основным средством выражения ирреальной посылки в условных конструкциях, причем в этих контекстах плюсквамперфект индикатива неграмматичен (подробнее об этом см. указанную статью В. А. Плунгяна). Соответствующая форма в литературном французском языке (*qu'il fût arrivé* 'чтобы он прибыл'), ныне устаревшая, в части своих употреблений синонимична кондиционалу прошедшего времени с ирреальной семантикой (так называемая «вторая форма» условного наклонения). Однако аналогия здесь всё же неполная: в рассматриваемых романских формах вспомогательный глагол стоит не просто в неизъявительном наклонении (а именно в конъюнктиве), но также — как и плюсквамперфект индикатива — имеет дополнительную грамему прошедшего времени (а именно имперфект). Подобная структура ожидалась бы и для формы с таким значением в славянских языках, учитывая аналогичное устройство славянских плюсквамперфектов. Но семантика прошедшего времени для славянских реликтовых форм оптатива типа *bitь* не характерна (см. выше, раздел 2), и поэтому нет никаких специальных оснований предполагать у аналитической *bitь*-формы изначально плюсквамперфектное значение.

В старочешском языке интересующий нас *buxь*-плюсквамперфект около XVI в. полностью «перенял функции кондиционала» (Vondrák 1928: 155), то есть, видимо, со значительным опозданием повторил развитие аналогичной формы в старославянском. Опоздание это могло, в частности, объясняться тем, что аналитическая *bitь*-форма, мощный морфологический и семантический «катализатор» такого развития, на соответствующей части славянской территории могла и отсутствовать. Как предполагает Г. А. Хабургаев (1991: 42—43), «регулярные для старейших глаголических евангельских текстов формы сослагательного наклонения с *кнмь* — *кж*... явно связаны с глагольной системой базового диалекта и вряд ли были известны славянским говорам за пределами Балканского полуострова, включая будущие восточнославянские и польские, где сослагательное наклонение образовывалось с аористом вспомогательного глагола». Действительно, в пользу данной гипотезы свидетельствует, главным образом, редкость *bitь*-формы уже в старославянских памятниках болгарского происхождения, а также наличие ее

рефлексов лишь в некоторых из современных славянских языков, причем нынешнее географическое распределение той или иной основы вспомогательного глагола примерно соответствует известному из памятников X—XI веков (подробнее см. ниже).

В то же время есть основания полагать, что аналитическая *бухъ*-форма имела более широкое распространение, чем *bitь*-кондиционал. Об этом говорит, в частности, тот факт, что, во-первых, всюду, где зафиксирована *bitь*-форма, она носит следы очень ранней и «глубокой» контаминации с *бухъ*-формой, а во-вторых, всюду, где *bitь*-формы нет, наличествуют рефлексы *бухъ*-формы. Кроме того, даже независимо от только что изложенных соображений, нет никаких оснований считать аналитическую *бухъ*-форму инновацией по отношению к другим аналитическим формам славянского глагола. Известно, что второе и третье лицо аориста атематических глаголов, в том числе *byti*, с чрезвычайно ранней эпохи имеет и вариант на *-tь* с сигматической вставкой: «в неправильных глаголах, где присоединение *-tь* имело место в древности и где устойчиво сохранялись эти формы, мы имеем... *кыитъ* наряду с *кы*» (Meillet 1934/1951: 204)⁸. В результате форма аориста 2-го и 3-го л. *bystь* становится даже преобладающей. В то же время соответствующие формы вспомогательного глагола в составе условного наклонения, как мы уже знаем, никогда не выглядят как *bystь*, но только как *by*. Если считать присоединение *-tь* возникшим уже в славянских языках, то известные нам факты говорят в пользу того, что аналитическая форма сформировалась (и тем самым отделилась от аориста семантически) раньше, чем в славянских языках произошло указанное морфологическое изменение. Не исключено и другое объяснение этого факта — формы типа *bystь*, возможно, восходят к индоевропейской медиальной форме, а формы типа *by* — к форме с «эффективным» значением (то есть связанным с переносом действия на внешний объект, ср. *за-кы* — форму от приставочного переходного глагола *закыти*) (Иванов 1981: 197). Само же наличие в парадигме глагола такой серии основ «может рассматриваться как глубокий архаизм данного фрагмента славянской глагольной системы» (там же: 198). Таким образом, *terminus post quem* для возник-

⁸ Происхождение этого *-tь* является предметом ученого спора, актуального в компаративистике на протяжении всего XX века: обзор дискуссии и изложение основных версий см. Бирнбаум 1987: 123, 208—209, а также дополнительные сведения в Иванов 1981: 197.

новения вспомогательной формы *by*, которая противопоставлена не-вспомогательной форме *bystь*, в принципе может быть отодвинут даже до раннепраславянского периода.

Любопытно, что именно противопоставление *by* — *bystь* служит для А. Вайана, напротив, аргументом в пользу позднего происхождения «аористой» формы вспомогательного глагола (возникшей якобы под влиянием «оптативной» формы третьего лица *bi*) (Vailant 1966: 95). Дело в том, что Вайан, как уже говорилось, исходит из ложной предпосылки о невозможности независимого развития аналитической формы с аористом вспомогательного глагола. Стоит только отвергнуть это положение, — принимая во внимание и древность аналогичной оппозиции не-вспомогательных форм, которую французский славист также недооценивает, — как вторичный характер вспомогательной формы *by* станет далеко не очевидным⁹.

Полная утрата собственно плюсквамперфектной семантики у этой формы объясняется, на наш взгляд, не только и не столько семантической стороной контаминации с древним аналитическим кондиционалом. Типологическое явление, описанное нами в работе Сичинава 2002, заключается в том, что глагольные системы с несколькими формами плюсквамперфекта (не обязательно морфологически тождественными рассматриваемой паре) проявляют тенденцию к утрате у одной из форм собственно временной семантики и к «специализации» ее на одном из производных значений. Аналогичную «специализацию» плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола мы уже видели в романских

⁹ О причине этих утверждений А. Вайана (тем более странных, что во французском языке, как мы видели, форма с аористом вспомогательного глагола имеется) можно лишь строить предположения. Вероятно, игнорирование данных, приводимых в работе В. Вондрака, помимо простого недосмотра, можно связать с общим недоверием Вайана и других авторов круга «*Revue des études slaves*» к традициям филологии (в том числе языкознания) в собственно славянских странах. Этот скепсис отмечался современниками (ср. наблюдения кн. Н. С. Трубецкого в письме от мая 1934 г.: Jakobson (ed.) 1975: 300—301, см. также по указ.) и нашел отражение также и в других, гораздо более знаменитых филологических гипотезах, связанных с именем Вайана (о происхождении «Слова о полку Игореве» — совместно с А. Мазоном, о проблеме «русских писем» в житии Св. Кирилла). Скептическое отношение Вайана к типологии, которая «может ввести в заблуждение хорошего лингвиста», также хорошо известно (цитируем его рецензию на доклад Р. О. Якобсона, в кн.: Jakobson (ed.) 1975: 272).

языках. Можно также указать на превращение одного из плюсквамперфектов в так называемое «неактуальное прошедшее» (означающее ситуацию, которая не имеет места в момент речи) в романских и германских системах со сверхсложными (фр. *surcomposés*) временами, в языке акан (группа ква, Нигерия) и в агульском, а также, возможно, в лезгинском (оба — лезгинская группа, Дагестан). Славянские языки, располагающие, как мы видели, по крайней мере еще одним плюсквамперфектом (со вспомогательным *bě(a)xъ*, *bjaxъ* — *bě(a)še*, *bjāše*), а некоторые также и третьей формой (со вспомогательным *běxъ* — *bě*), вполне могли «пожертвовать» одной из форм для развития специализированного плюсквамперфектного значения¹⁰.

Теперь сформулируем нашу гипотезу. В праславянском (по крайней мере в большинстве диалектов) существовал плюсквамперфект вида *buxъ xodilъ*. В некоторых диалектах (включая легшие в основу старославянского языка) он очень рано контаминировался с исконным условным наклонением, благодаря, в частности, характерному для плюсквамперфекта семантическому развитию в сторону ирреалиса. Морфологическая и семантическая контаминация при этом взаимодействовали. В тех диалектах, где не существовало форм вида *bimъ xodilъ*, развитие плюсквамперфекта в направлении ирреального значения могло происходить и независимо (не исключены, конечно, и междиалектные влияния).

Для подтверждения нашей гипотезы желательно предоставить также и данные современных славянских языков. И таковые, действительно, обнаруживаются.

5. Свидетельства современных славянских языков

Обратимся, наконец, к данным, которые предоставляют современные славянские языки. Данные по морфологической структуре славянских форм условного наклонения (Panzer 1967: 18—42) позволяют обобщить их следующим образом:

¹⁰ Ничего не меняет в логике нашего рассуждения и гипотеза Г. А. Хабургаева (1991: 45 и след.) об изначальном отсутствии имперфекта, а также и плюсквамперфекта на его основе, в западно- и восточнославянских языках. Хабургаев предполагает, в связи с этим, большую древность и более значительную роль в этих языках плюсквамперфекта со связкой *buľъ*, а значит, и в этом случае плюсквамперфект со связкой *buxъ* оказывается дублирующей формой.

1) с неизменяемой частицей: русский (*бы/б*), белорусский (*бы/б*), украинский (*би*), нижнелужицкий (*бу*), кашубский (*bě/b*), македонский (*би*);

2) с неизменяемой частицей + личная форма глагола ‘быть’: словацкий (*čítal by som*), некоторые диалекты македонского (*би сум бегал*); аналогичные формы (как правило, 2-го л.) с «лишней» связкой (типа *бы есте пустили*) зафиксированы в великорусских памятниках XIV—XV вв. (Белоусов 1982: 156, Зализняк 1995: 125);

2а) (близкий к предыдущему тип) *бу* + личные окончания глагола ‘быть’: польский (*czytał-był*);

3) со спрягаемым вспомогательным глаголом в форме аориста: чешский (*čítal bych*), верхнелужицкий (*čítal bych*), сербскохорватский (*čítao bih*), болгарский (*бих чел*);

4) с особой спрягаемой *bi*-формой: сербскохорватские чакавские говоры (*čítao bin*)¹¹.

Значения этих форм в славянских языках — ирреальное, гипотетическое, оптативное. Особые значения, позволяющие предполагать частичное сохранение плюсквамперфектной семантики, отмечаются (наряду с собственно кондициональными) в двух языках — сербскохорватском и верхнелужицком. В обоих этих языках, во-первых, сохраняется аористное спряжение вспомогательного глагола, а во-вторых, в глагольной системе сохраняется аорист (хотя бы как стилистический реликт). Кроме того, первый из этих формальных признаков характерен и для чешского языка, в котором, как мы знаем, вплоть до средневековой эпохи сохранялся *бухъ*-плюсквамперфект (опять же параллельно с аористом, просуществовавшим несколько дольше). Все это позволяет предполагать древность семантических особенностей *бухъ*-формы в сербскохорватском и верхнелужицком языках, для которых, как известно, характерен и целый ряд других нетривиальных изоглосс (этот факт, как и этимологическое тождество этнонима *сербы* / *сорбы*, обычно связывают с общностью происхождения соответствующих племен; см., в частности, Хабургаев 1991: 54, со ссылкой на исследования О. Н. Трубачева).

Применительно к сербскохорватскому языку речь идет об особой функции условного наклонения, которая в работе Thomas 2000 называ-

¹¹ Из **bitь*: в соответствующих говорах *-m*, после падения редуцированных ставшее финальным, перешло в *-n* (Кузнецов 1951: 450).

ется «фреквентативный кондиционал». Она связана с плюсквамперфектной семантикой и является единственным средством передать предшествование в итеративных контекстах, так как форма обычного плюсквамперфекта в сербскохорватском языке сочетается только с совершенным видом:

- (7) Kad bi Sofija završila sa pranjem posuđa, ona je gledala televiziju. (Thomas 2000: 128)
‘[Всякий раз,] когда София заканчивала мыть посуду, она смотрела телевизор.’

В верхнелужицком языке мы имеем лишенный собственно плюсквамперфектных оттенков «итеративный претерит» (Faßke, Michalk 1981: 266—267), который употребляется и в главном, и в зависимом предложении:

- (8) Přeco hdyž bychmoj so tehdy zetkaloj, by mi wón wo filmje powědał, kotryž bě runje widzał. (Tommola 2000: 450)
‘Всякий раз, когда мы с ним тогда встречались, он мне рассказывал о фильме, который он только что видел.’

Верхнелужицкая глагольная форма, к сожалению, не столь надежна, как пример, свидетельствующий о сохранении плюсквамперфектной семантики. Ее семантическая близость с сербскохорватской формой очевидна, но этот эффект вполне может быть результатом независимого от плюсквамперфекта развития условного наклонения, такого же как, например, в английском языке. Соответствующие английские формы выглядят как *would meet* ‘встречались’, *would tell* ‘рассказывал’; они имеют значение как ирреального события, так и обычного действия в прошедшем («Past Habitual»). Но в то же время вполне естественна и подобная семантическая эволюция плюсквамперфекта: теряя собственно таксисное значение, плюсквамперфект сохраняет семантику, связанную с закрытыми временными интервалами в прошлом (в терминологии М. Сквартини (Squartini 1999) «past temporal frames»). Такая форма означает неактуальную ситуацию и, в частности — регулярное повторение некоторой ситуации на неактуальном временном отрезке (ср. примеры языков с близкой эволюцией одной из плюсквамперфектных форм в конце раздела 4 настоящей работы).

Таким образом, данные некоторых современных славянских языков, сохранивших спрягаемое *бухъ* в интересующей нас форме, как

представляется, дают дополнительные подкрепления нашей гипотезе о развитии славянского условного наклонения из плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом в форме аориста.

Заключение

Итак, мы выдвинули гипотезу о происхождении славянского условного наклонения из достаточно древнего образования *buxъ + l*-причастие, имевшего плюсквамперфектную семантику. Подобное значение исходной формы, подобное развитие ее значения и подобная «специализация» в рамках глагольной системы с типологической точки зрения вполне вероятны и достаточно распространены в языках мира. В части славянских диалектов, в том числе в тех, которые легли в основу старославянского языка, такому изменению чрезвычайно способствовала морфологическая и семантическая контаминация с аналитической формой *bitъ + l*-причастие, изначально имевшей ирреальное значение.

Результаты нашего исследования, как нам представляется, лишний раз подтверждают тот факт, что характерное для компаративистики второй половины XX века применение аппарата современной грамматической типологии к проблемам исторической лингвистики вполне перспективно (здесь в первую очередь нужно указать на работы Вяч. Вс. Иванова, в том числе на посвященную индоевропейскому глаголу монографию Иванов 1981, где постоянно привлекаются типологические данные). Такой подход приводит к небезынтересным результатам, по-новому объясняющим совокупность фактов, накопленную сравнительно-историческим языкознанием.

Литература

- Белоусов В. Н. 1982. История форм сослагательного наклонения // Р. И. Аванесов, В. В. Иванов (ред.). *Историческая грамматика русского языка. Морфология, глагол*. М.: Наука, 154—157.
- Бирнбаум Х. 1987. *Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции*. М.: Прогресс.
- Зализняк А. А. 1995. *Древненовгородский диалект*. М.: ЯРК.
- Иванов Вяч. Вс. 1981. *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки*. М.: Наука.

- Кузнецов П. С. 1951. Примечания // А. Мейе. *Общеславянский язык*. М.: Изд-во иностранной литературы, 417—470.
- Кузнецов П. С. 1961. *Очерки по морфологии праславянского языка*. М.: Изд-во АН СССР.
- Плунгян В. А. 2004. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // *Наст. сб.*
- Сичинава Д. В. 2002. Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта. *Дипломная работа*. М., МГУ.
- Хабургаев Г. А. 1991. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Г. А. Хабургаев, А. Бартошевич (ред.). *Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола*. М.: Изд-во МГУ, 42—54.
- Шошитайшвили И. А. 1998. Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе. *Дисс. ... канд. филол. наук*. М., РГГУ.
- Bertinetto P. M. 1987. Why the passé antérieur should be called passé immédiatement antérieur // *Linguistics* 25: 341—360.
- Dahl Ö. 1985. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Dahl Ö. 1997. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // А. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam: Benjamins, 97—114.
- Faßke H., Michalk S. 1981. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*. Bautzen: Domowina.
- Fleischman S. 1989. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // *Studies in Language* 13 (1), 1—50.
- Foulet L. 1925. Le développement des formes surcomposées // *Romania* 51, 203—252.
- Friedman V. A. 1981. The Pluperfect in Albanian and Macedonian // *Folia Slavica* 4, (2—3), 273—282.
- Goeringer K. 1995. The Motivation of Pluperfect Auxiliary Tense in the Primary Chronicle // *Russian Linguistics* 19 (3), 319—332.
- Jespersen O. 1924. *The Philosophy of Grammar*. London.
- Johanson L. 2000. Viewpoint operators in European languages // Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 27—188.
- Meillet A. 1934/1951. *Le slave commun*. Paris: Champion. [Рус. пер.: А. Мейе. *Общеславянский язык*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951].
- Panzer В. 1967. *Der slavische Konditional. Form — Gebrauch — Funktion*. München: Fink
- Salkie R. 1989. Perfect and Pluperfect: What is the Relationship? // *Journal of Linguistics* 25 (1), 1—34.
- Squartini M. 1998. *Verbal Periphrases in Romance: Aspect, Actionality and Grammaticalization*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Squartini M. 1999. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology* 3, 51—89.

- Stang Chr. S. 1942. *Das slavische und baltische Verbum*. Oslo: J. Dybwad.
- Steele S. 1975. Past and irrealis: just what does it all mean? // *International Journal of American Linguistics* 41 (3), 200—217.
- Thomas P.-L. 2000. Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // A. Carlier, V. Lagae, C. Benninger (eds.). *Passé et parfait*. Amsterdam: Rodopi, 117—131.
- Tommola H. 2000. On the perfect in North Slavic // Dahl, Ö. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 441—478.
- Jakobson R. O. (ed.) 1975. *N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes*. Prepared for publication by Roman Jakobson. The Hague: Mouton.
- Vaillant A. 1948/1952. *Manuel du vieux slave*. Paris: Institut d'études slaves [Рус. пер.: А. Вайан. *Руководство по старославянскому языку*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952]
- Vaillant A. 1966. *Grammaire comparée des langues slaves*. T. III: *Le verbe*. Paris: Klincksieck.
- van Schooneveld C. H. 1951. The aspect system of the Old Church Slavonic and Old Russian verbum finitum *byti* // *Word* 7: 96—103.
- van Schooneveld C. H. 1959. *A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System* 's-Gravenhage: Mouton.
- Vondrák W. 1928. *Vergleichende slavische Grammatik*. 2. Aufl. neubearb. v. O. Grünenthal. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.